

ДМИТРИЙ ГУСАРОВ

**БОЕВОЙ
ПРИЗЫВ**

ЦГБ Петрозаводск

80401803

ДМИТРИЙ ГУСАРОВ

**БОЕВОЙ
ПРИЗЫВ**

Р о м а н
К н и г а в т о р а я

153165-1

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО КАССР
ПЕТРОЗАВОДСК
1957

Д. Я. ГУСАРОВ

Дмитрий Яковлевич Гусаров родился в 1924 г. Во время Великой Отечественной войны служил в партизанском отряде, действовавшем на территории КФССР. С 1945 г. начал заниматься литературным творчеством. В 1949 г. в журнале „На рубеже“ была опубликована первая повесть писателя „Плечом к плечу“. В 1953 г. вышла 1-я книга романа „Боевой призыв“, рассказывающая о героической борьбе советских людей на оккупированной территории Карелии в годы Великой Отечественной войны. Настоящая книга является продолжением 1-й книги романа и повествует о дальнейших судьбах ее героев.

Дмитрий Яковлевич Гусаров

БОЕВОЙ ПРИЗЫВ

Редактор *К. Ф. Ведюкова* Оформление художника *Л. Г. Беляева*
Художественный редактор *Р. С. Киселева* Технический редактор *Л. В. Шевченко*
Корректор *Л. Ф. Суханова*

*

Сдано в набор 3/VII 1957 г. Подписано к печати 4/X 1957 г. Е—03625.
Бумага 84×108^{1/2}₃₂ печ. л. 9,37 печ. л. 1 вклейка 15,36 усл. печ. л. 17,84 уч.-изд. л.
Тираж 45000. Заказ № 1092. Цена 6 руб. 45 коп.

*

Госиздат Карельской АССР, Петрозаводск, пл. 25 Октября, 1.

Сортавальская книжная типография Министерства культуры Карельской АССР
Сортавала, Карельская, 32.

Часть первая

СКРЫТАЯ БОРЬБА

1

Теперь, на исходе второго года войны, туландский староста Андрей Лукич Юдин не сомневался, что их непременно освободят. Он не знал, когда это случится, но был так уверен в скором освобождении, что боялся, как бы эта уверенность не принесла ему беды. Все чаще и чаще в разговорах среди деревенских нечаянно, а иногда и намеренно, прорывалось: «Вот придут наши, тогда-то уж...» Некоторые, особенно Анфиса Сычова, при этом вызывающе смотрели на старосту. Андрей Лукич в таких случаях хмурился, моргал и отходил в сторону.

Освобождения он ждал и с затаенной радостью и с непоборимой тревогой. Что-то принесет оно ему, шестидесятилетнему, робкому человеку, который за всю свою жизнь не сделал никому худого?

В первую зиму, когда ему пришлось заменить Силантьева, все было проще, понятней. Казалось, вот еще полгодика, годик — и война закончится. Потому-то он и согласился с предложением Гореловой — стать на время деревенским старостой. Но скоро минует второй год, а еще трудно сказать, сколько крови прольется. Роль, навязанная ему, настолько не подходила бесхитроственному и доброму

характеру старика, что Лукич, мучаясь и переживая, почти не замечал ее физических тягот. Месяц за месяцем жить и чувствовать, как все дальше и дальше уходит с таким трудом накопленное уважение! Что может быть обидней и тяжелей для человека, испытавшего истинную цену и радостям, и горестям?!

Андрей Лукич всегда сторонился власти. В деревне он слыл грамотным, умелым хозяином, и лет пять назад его хотели поставить бригадиром полеводческой бригады. Каких трудов стоило отказаться?! Давно это было, о том и не вспоминали на деревне, пока Андрей Лукич не согласился на эту проклятую должность старосты. И сразу злые языки припомнили прошлое: «Таился, дескать, выжидал, хитрее Силантьева оказался».

Злые ли?! Можно ли обижаться за это на Анфису, которую Лукич — сам стеснительный и тихий — всей душой уважал за прямоту и откровенность. Сколько раз хотелось ему плюнуть на все предостережения Гореловой и в открытую рассказать все Анфисе, хотя бы ей одной! Ведь она свой человек, она поймет его, поверит...

Ложное перед людьми положение рождало в старике робость еще большую, которая в долгие зимние ночи переходила в безысходное отчаяние. Бывали минуты, когда не пугали даже самые лютые пытки. Пусть — казнят, и все поймут, что Андрей Лукич Юдин до конца дней своих был честным человеком. Тогда и ушедший с Красной Армией сын, о котором он мог тосковать лишь наедине со старухой, а при людях должен был вроде бы и чуждаться его, не будет стыдиться своего отца... Тогда все будет так, как и должно быть между людьми — честно, открыто, без хитрости и подлога!

Однажды мартовской ночью Лукич наскоро, без портянок, сунул ноги в валенки, схватил телогрейку и ринулся к двери.

— Батюшки! Что с тобой? — всполошилась жена, поднимаясь с кровати.

— Лежи. Не твое дело, — непривычно грубо ответил он и выскочил на улицу.

Горелова долго не открывала дверь на осторожный стук Лукича.

— Кто там? — нараспев спросила она, но даже через дверь чувствовалось, как она взволнованно сдерживает дыхание.

«Зачем это я?» — подумал старик, не зная, что ответить.

— Кто там? — повторила Горелова.

Следовало громко и внятно отозваться: «Староста! Открой!», но, нарушая уговор, он принял к двери, зашептал:

— Это я, Дмитриевна, я... отопри! — так как громко назвать себя этим опротивевшим чином он был не в силах.

— Один? — спросили из-за двери после долгого молчания.

— Один... Пра-слово, один.

Мягко ударились о стенку деревянная задвижка, тихо лязгнул крючок, и Лукич остался один на один с темным проходом. Еще тоскливее, чем дома, стало на душе старика. Он, даже не взглянув на стоявшую в глубине сеней Горелову, понуро направился к двери в избу, привычно нащупал скобу и вошел. Мария Дмитриевна молча накинута крючок, задвинула засов.

Лукич присел на кучку поленьев у печи, огляделся и сразу подумал, как нелегко Марье Дмитриевне жить одной в этом большом, мрачном доме. Жить и ждать, что не сегодня-завтра, вот так же, как он, могут ночью постучать. Стук не обязательно будет властным, он может быть по-соседски вежливым, но он явится началом смертельной беды.

— Что случилось? — дрогнувшим голосом спросила Горелова.

— Ничего. Пока, слава богу... — И чувствуя, что надо как-то объяснить причину прихода, спросил: — А у тебя как?

На сердце у Марии Дмитриевны отлегло. Она даже слегка пошутила:

— Днем виделись... А если бы что и стряслось, тебя бы первого в понятых привели...

За последние месяцы обыски и аресты оккупанты старались делать при свидетелях из деревни. Соблюдением этой «законности» они не один раз похвалялись на собраниях и в газете «Северное слово».

— Не за этим же, поди, пришел? — уже строго спросила Горелова.

— Не за этим... — со вздохом подтвердил Лукич и взмолился: — Не могу я, Дмитриевна, пра-слово, не могу! Нет

сил себя надвое разрывать. Всю жизнь не лгал, а тут каждым словом грех на себя берешь...

— Перед кем грех-то?

Лукич недоуменно уставился на нее, но разве в темноте увидишь — шутит она или серьезно?

— Грех всегда один — перед самим собой, перед совестью, перед людьми.

— Ты шутишь, Лукич, что ли? Или как тебя понимать? Честно говори — уж не отказываться ли ты пришел? Говори уж до конца!

— Отказываться думал, — вздохнул старик.

— Так! — Горелова, не зная, что сказать в ответ, растерянно повторила: — Та-ак.

Как держать себя, когда человек, на которого полагался, как на самого себя, которому так много доверено, заявляет, что он больше не может, что он отказывается? Заявляет честно, без тайного умысла. И ты сам знаешь, что ему действительно трудно. Ведь не у каждого хватит силы выдержать этот двойной пресс, который начинает давить все сильнее...

— И богу и черту служить — небо зря копить, — заговорил Лукич, стараясь хоть как-то успокоить Марию Дмитриевну. — Это старое присловье... Одному служить надо...

— Ну... А ты кому служить хочешь? — И чувствуя, что ей уже не сдержаться, отошла к окошку, отвернулась. — До сих пор ты честно служил одному — советской власти. А теперь — отказываешься, значит, хочешь другому послужить...

— За что обижаешь, Дмитриевна? — с мольбой в голосе спросил Лукич и поднялся, развалив дрова. — Ну, я пойду...

Он вышел в сени и, не отпуская дверной скобы, остановился в раздумье. Горелова, чувствуя, что так просто он не уйдет, не пошла его провожать. Она слушала, как тихо поскрипывает неплотно затворенная дверь, и думала о том, что постепенно один за другим выбывают доверенные лица. Годы оккупации не прошли даром, белофинны тоже не теряли времени. Часть людей увезена на оборонные работы, другие постепенно отошли, устранившись вражеских угроз, от помощи третьих, попавших под подозрение, временно пришлось отказаться. «А кто из нас не на подозрении? — неожиданно подумалось ей. — Все!

Вот разве Лукич, этот безропотный и молчаливый работага. Он пришелся оккупантам явно по нутру».

Мария Дмитриевна вспомнила, как на одном из митингов приезжий оратор, советник Коутеро, в своем докладе похвалился:

— Маршал и правительство Суоми не оставят без достойной награды тех русских, которые честно служат своему народу. Вы не любите Силантьева — он был для вас, наверное, плох... Ну, что же?.. Власти великодушно простили даже беззаконие. Но чтоб это было в последний раз. Теперь во главе деревни поставлен уважаемый вами человек — Андрей Лукич Юдин. И мы тоже будем уважать его...

Тогда, слушая эти слова, Горелова с трудом сдерживала радость. Это была удача, настоящая большая удача!

И вот чем все это кончилось. Она слишком многим обязана Лукичу, чтобы резко осуждать его, ей понятны чувства старика. Когда-то и она пережила не менее трудные минуты. Но нужно было что-то предпринимать.

Едва Мария Дмитриевна сделала несколько шагов к порогу, как дверь снова отворилась и Лукич шагнул навстречу:

— Ты говоришь, кому служить? Врагам я служу, праслово, врагам. Вот скоро поеду в Тимицы. Зачем, думаешь? А вот зачем!.. Приказ вышел — наделить каждое хозяйство землей, каждому купить коня, инвентарь... А ты говоришь! Кому я служу, если вот этими руками буду кулацкую власть восстанавливать?

Еще в начале оккупации Мария Дмитриевна искренне удивлялась, почему белофинны оставили все, как было, и даже не распустили колхозов? Всем было приказано трудиться так же, как и при советской власти. Правда, вместо сдельной была введена поденная оплата марками, на которые выкупался паек. Весь урожай принадлежал не «колхозу», а оккупационным властям. Теперь, значит, будут новые порядки.

— Собрание, поди, будет? — спросила Горелова.

— Да уж не без этого, — подтвердил со вздохом Лукич.

— Так, так... Сначала, значит, людей до голодной смерти довели в этих самых их «колхозах», а теперь осчастливят единоличным хозяйством... Так, что ли? — взвол-

нованно проговорила Мария Дмитриевна, начиная понимать кое-что в коварном плане оккупантов.

— Да уж так, видно,— согласился Лукич.

Он ждал от нее совета, она это чувствовала. И совета умного, делового. Но что может посоветовать она? Как назло в последние месяцы прервалась даже случайная связь с партизанами. Куда-то исчез Илья Прокопич. Можно, конечно, попытаться отыскать пути к Дорофееву, который с первых дней сидит где-то в Лапасельге, но на это понадобится много времени... Да и возможно ли что-нибудь противопоставить этой вражеской затее. Призвать людей отказаться? Глупо. Такие, как тетка Анфиса, ее наверняка поддержат, но что толку?

— Присосет, пожалуй, кой-кого единоличная земелька. Опять придется с кровью рвать...— Лукич нерешительно переминался с ноги на ногу, крахтел.

— Некогда присасываться будет,— заметила Горелова.— Вот что, Лукич! Смело езжай, делай все, что прикажут... Да, да, не удивляйся. А к собранию мы подготовимся, я поговорю с бабами...

— Дѣла я прошу, Дмитриевна, дела, чтоб пользу давало. Затем и пришел,— беспокойно зашевелился в темноте Лукич.

— Вот чудак! А ты разве бездельничаешь? — удивилась Горелова.

Лукич помялся и все-таки возразил:

— Хочу, чтоб народ видел, кому я служу, вот что. Прости, коль не так говорю, я о сыне больше, не о себе...

И сразу же, устыдившись своих слов, подумал: «Нашел о чем говорить старый дурень».

Не будь в комнате так темно, Горелова увидела бы, как мучительно покраснело при этих словах лицо старика. Но Мария Дмитриевна ничего не заметила и, думая о чем-то другом, успокоила:

— Народ, Лукич, все видит, все знает... От него ничего не спрячешь.

...Разговор с Гореловой лишь немного остудил Андрея Лукича. Ему хотелось по-стариковски откровенно поговорить о своем нелегком положении. Но где ей, молодой, понять тяжкие думы человека, у которого все лучшее, что он мог сделать, уже позади.

Андрей Лукич неторопливо прошел по узкой, протоптанной в снегу тропинке и остановился у своего дома.

Деревня спала. Ни лая собак, ни крика петухов в эту морозную предутреннюю пору. Справа белело озеро. И если бы не частые отсветы прожектора у Тамбиц-маяка, то, пожалуй, не было бы ночи мирней и спокойней. Но, нет—война, кругом война! Вот и гигантский луч, метнувшись, лег на заснеженную гладь озера наискосок перед деревней. Свет доставал до противоположного берега. Луч дрогнул, покатился слева направо, замелькали на озере острые торосы. А на другом берегу поползли справа налево знакомые мыски, поляны, и вдруг отчетливо встало перед глазами село Песчаное. Туда сорок лет назад, под масленицу, направил Андрей Лукич отстоявшегося за ночь коня под разукрашенной дугой. А вечером вернулся в родную деревню с пудожанкой-невестой. В прошлом это был короткий и знакомый путь — всего двенадцать верст. До войны, когда в песчанском сельпо появлялся индийский чай, охочие до него туландские бабы на лыжах успевали туда и обратно до обеда. А теперь... Родной, с детства привычный залив стал широкой полосой смерти и отчуждения. «Хоть бы раз пришли в деревню партизаны,— неожиданно подумалось старику.— И в Лундине были, и в Тимицах, и в Сенной Губе, а у нашей деревни один раз появились, да и то мимо... А может, и сейчас они прячутся где-либо в торосах».

Эта мысль и радовала, и страшила. Сколько раз по вызову коменданта приходилось Лукичу ездить в Тимицы, и в каждую поездку он с опаской посматривал по сторонам. Выйдут из лесу партизаны, спросят: «Ты ли туландский староста Андрей Лукич Юдин?» Доказывай тогда, что ты всем сердцем радеешь за нашу власть. Время военное, суд — полевой, и один у тебя защитник — твои дела. А дела у него такие — хуже и не придумаешь!..

Лукич так долго стоял на покрепчавшем к утру морозе, что плохо обутые ноги стали зябнуть. Он уже собирался тронуться к крыльцу, как из темноты раздалось:

— Kuka siellä? ¹

«Вот тебе раз! — вздрогнул старик и инстинктивно отшатнулся.— Вот и достоялся!»

— Кто, дьявол, ходит? — выкрикнул тот же голос по-русски и не к месту добавил матерное ругательство. Лукич давно заметил, что финские солдаты быстрее всего

¹ Кто там? (финск.)

усвоили русские ругательства и из озорства особенно часто употребляли их.

— Это я, староста! — поспешно отозвался Лукич, чувствуя, что дальше молчать опасно.

Белофинны подошли, осветили лицо фонариком, и старший обрадовался:

— А-а, доброй ночи, господин староста... Долго гуляешь... Девки здорово любят?

И весь патруль, все трое весело расхохотались. Лукич тоже улыбнулся.

— Ночью ходишь, приказ нарушаешь? — строго спросил старший.

Лукич уже собирался ответить, что над деревней ему вроде бы зарево почудилось, потому и вышел на улицу, как старший вновь захохотал:

— Иди, староста, иди, а то жена не пустит. Тебе можно... Ты власть!

«Эта власть хуже петли на шее! — ругался про себя Лукич, поднимаясь в дом. — Ну, зачем меня погнало среди ночи к Гореловой?..»

Успокоенная его возвращением старуха давно уже уснула, а Андрей Лукич все еще думал и думал. Он тщетно пытался найти для себя выход. И все упиралось в твердое, ничем непоколебимое убеждение: нужно настоящее дело, только этим он покроет павший на него позор. Но где найти такое дело?

...Так прошли еще два месяца. Наконец такое дело нашлось.

В полночь под Первое мая над деревней пролетел самолет. Андрей Лукич в это время возвращался с озера, где ставил на ночь сети. Как старосте, ему, единственному в округе, было разрешено рыбачить в губе у самой деревни. Эта привилегия, которой Лукич пользовался лишь в крайности, вначале чрезвычайно ожесточила против него деревенских баб. Особенно усердствовала Анфиса. Она не стыдилась поносить своего одногодка самыми позорными словами. Но когда Лукич, бравший по ведру, по два ряпушки, стал делиться уловом с бедствующими семьями, даже Анфиса поутихла, хотя и не перестала коситься на старосту.

Самолет ниже рваных, лохматых облаков пролетел над деревней с севера на юг, потом повернул на запад,

и Лукичу показалось, что позади него мелькнул и растаял легкий белый хвост.

«Листовки! Надо завтра ребятишек послать собрать!»

Советские листовки и раньше нередко сбрасывались с самолета. Люди находили их в лесу, на полях, а иногда и на дорогах — аккуратно уложенными и придавленными камешками.

В таких случаях староста по приказу комендатуры должен был принять меры, чтобы все до единой листовки были собраны и сданы военным властям. Каждая найденная в доме листовка грозила — самое малое — заключением в концентрационный лагерь.

Назавтра вся округа действительно оказалась усеянной листовками.

Пока Лукич исполнял свои тягостные обязанности, в дом к нему забежала взволнованная Катя Лакаева.

— Тетя Даша, а дяди Андрея нет? — спросила она.

— Нет, родименькая, нет. На старости лет, как мальчишка, по лесу бегают... Вот горе еще!.. А ты с добром ли?

— Да слава богу... — по-старушечьи смиренно отозвалась бойкая Катя. — Тетя Даша, пускай он к нам зайдет сегодня же, только обязательно, тетя Даша!

— Да что случилось-то? Мать жива ли?

— Жива... Так и скажи ему: «Просили чайку зайти выпить». Только, ради бога, никому ни слова!

— Ну что ты, впервой, что ли?!

Приглашение Лакаевой удивило Андрея Лукича. Никаких общих дел у них не было.

Правда, год назад, как раз в эту майскую предпосевную пору, Лукич спас Лакаевых от заключения в концлагерь, а может быть, и от смерти.

Во время повального обыска оккупанты нашли у Лакаевых листовку — специальный выпуск газеты «Ленинское знамя», издававшийся для оккупированных районов.

Катю сразу же отвели в районную комендатуру, а часом позже к Лукичу прибежала встревоженная, без кровинки в лице Горелова.

Лукич не верил в успех, но послушался Марии Дмитриевны, поехал в Тимцы. В комендатуре он выложил несколько экземпляров газеты, полученных от Гореловой, и, обмирая от страха и нутаясь в словах, объяснил, что

листочка в дом Лакаевых попала случайно, что их перед тем разбрасывали советские самолеты.

... И все-таки это помогло. Через неделю Катю Лакаеву освободили. Вернулась она замкнутая, словно подменили девушку. Ни благодарности, ни теплого слова не услышал от нее Лукич. Но разве можно сейчас с этим считаться? Помог — и помог, эка важность! Другие, вон, не то делают... Да Катя, поди, и не знает о его поездке к коменданту. Может, Горелова и не сказала ей?..

С этими мыслями Лукич и подошел к дому Лакаевых.

Катя жила со слепой старухой-матерью. Старший брат, Семен, работавший в районной милиции, ушел с партизанами. Его жена и десятилетняя дочь успели эвакуироваться. Позднее пришли вести, что Семен погиб при обороне Медвежьегорска, когда отряд попал в окружение. Поначалу, осенью 1944 года, полиция часто навевалась к Лакаевым с обыском и допросами. Поговаривали, что их собираются выслать в концлагерь. Но потом все изменилось, а восемнадцатилетнюю Катю, как единственную кормилицу в семье, даже освободили от оборонных работ, на которые забрали всю деревенскую молодежь.

С тяжестью на сердце вошел Андрей Лукич в этот осиротевший дом. Опять придется успокаивать слепую старуху, заведомо врать, уверяя, что ее любимый первенец, может быть, и жив, что в такое время слухам нельзя верить.

Катя встретила его в темных сенях.

— Ой, дядя Андрей, радость-то какая! Сема-то наш жив!

Лукич сразу понял, что это известие сулит ему новые хлопоты. Сколько раз за последний год чужая радость обораживалась для него бессонными тревожными ночами. Но разве можно не порадоваться сейчас этой счастливой вести?!

— Ну и ладно! То-то матери утеха!

— Не знает еще мать, и сказать нельзя, — зашептала Катя и потянула Лукича не в комнату, а в небольшую боковушку с одним окном на задворье.

— Входи, я сейчас, мамашу спать уложу...

Лукич помедлил и несмело открыл дверь. В комнате на столе горела коптилка, окно было плотно завешено старым одеялом. В темном углу, склонившись, сидел плотный широкоплечий мужчина. Если бы у него не было густой

и курчавой бороды и широкого прама на лбу, Лукич сразу бы без колебаний признал в нем Семена Лакаева — в молодости смельчака, балагура и первого силача в округе. Но жизнь приучила к осторожности, и Лукич молчал.

— Здорово, дедушко! Помнишь ли меня? Я тебя сразу узнал.

— Ну что ж, узнал — так узнал. Жив, значит?

Они несколько секунд стояли, в нерешительности глядя друг на друга, потом Семен усмехнулся и протянул руку:

— А я вот думал, давать тебе руку или не давать?

— Здоровья пожелать и без руки можно, — серьезно сказал Лукич, и на душе стало невесело. Неужели все с той стороны будут сначала думать — подавать им руку или не подавать?

— Боишься, поди? — спросил Семен, присаживаясь.

— Годы, сынок, не те, чтоб бояться, пра-слово, староват я для страху-то.

— А ты все еще «пра-слово» твердишь, хитрец этакий, — засмеялся Семен, потом резко оборвал смех и проговорил: — Вот что, дедушко. Помог ты Кате, теперь мне помогай.

«Знает! Выходит, Дмитриевна сказала им!..» — обрадованно подумал Лукич.

— Вот Катя самоварчик принесет, — продолжал Семен, — тогда поговорим с тобой как следует. Служил ты финнам, а теперь родной советской власти послужи, понятно? Большого я тебе не скажу, а помощь твоя требуется.

Когда Катя внесла кипящий самовар, Семен тихо спросил ее:

— Лиза на месте?

— В сенях стоит.

— Позови-ка ее, а сама покарауль пока...

В комнату вошла худенькая, невысокого роста девушка — совсем подросток. Лукич сначала принял ее за паренька — волосы у нее коротко острижены и челка убрана под мягкий шлемик со шнурками; просторный комбинезон делал ее фигуру коренастой и широкоплечей. А главное — глаза! Взгляд у них такой упрямый, что подставить самому отъявленному озорнику. Она, как старому

знакомому, улыбнулась Лукичу и вопросительно посмотрела на Семена.

— Это — Лиза, моя связная, — познакомил Семен Лукича, потом подумал и сообщил: — Она финка, наша финка, понимаешь? Зови ее просто Лиза. А меня называй Седой. Это моя партизанская кличка... Ни имени, ни фамилии, а просто — Седой. Ну, Лиза, ступай, пусть Катя придет.

— Она что, не понимает по-русски? — спросил Лукич.

— Как не понимает! — засмеялся Семен. — Она по-всякому понимает.

То ли востроглазая девушка-связная понравилась старику, то ли в глазах Семена пропал подозрительный блеск, но Лукич почувствовал себя спокойнее, увереннее. Предстоящие трудности и хлопоты (а он знал, что они непременно лягут на его плечи — иначе бы и не понадобилось вызывать его) уже не пугали его. Лишь где-то в глубине стариковского сердца еще жила непрощенная обида на снисходительность и пренебрежение человека с «того берега» к ним, оставшимся на родном берегу. Но уж бог с ним. Семен имеет право на это, он пролил кровь на фронте и теперь без страха пришел сюда.

Вспомнил старик про сына, и внезапно такая щемящая сердце теплота охватила его, что захотелось задушевно, по-отцовски потолковать с Семеном.

— Финнов в деревне нет? — прервал Семен размышления старика.

— Ушли. Две недели как ушли. На мысках есть по гарнизону, не более взвода, в дзотах живут.

— Правильно, — подтвердил довольный Семен. — Наша разведка действует что надо... Да, садись-ка, Андрей Лукич, чайком побалуемся, и сахарок у меня есть, — наш, брат, русский, и консервами закуси. Голодно, небось, у вас?

Не ожидая ответа, Семен деловито расставил на столе кружки, достал из мешка открытую банку консервов, несколько черных сухарей и, после недолгого раздумья, флягу в чехле.

— Хоть и для другого дела спирт, но ради встречи по глоточку, — пояснил он, плеская понемногу в кружки.

— Не, не, Семен Филиппович, ни капли не беру в рот.

— Товарищ Седой, — жестко поправил его Семен и, заметив оторопь старика, улыбнулся. — Ты не обижайся, а за ошибки буду строго наказывать. Требования конспи-

рации для нас закон... Ну, подвигайся, Андрей Лукич, да глотнем за наше общее дело.

Отказываться было невозможно. Неразведенный спирт ожег рот, горло, перехватил дыхание, и Лукич до слез закашлялся, посинел. Когда он пришел в себя, Семен, уже вдоволь нахохотавшийся, уминая консервы, говорил:

— Привычки нет. А в нашем партизанском деле глоток спирту жизнь спасает.

Лукич съел ломтик сухаря с консервами, придвинул кружку с чаем и несмело спросил:

— Сюда самолетом?

Семен, нагнувшийся над банкой, скосил на Лукича глаза и кивнул головой.

«Надо бы идти. Хозяйка беспокоиться будет. Да и вдруг кому в голову взбредет искать», — думал Лукич, а неторопливость и уверенность Семена невольно притягивали к себе, удерживали в этой комнате. Ведь так редко приходилось в последние годы говорить не тайком, а в открытую, за столом, за самоваром... Удерживало и другое. Хотелось знать как можно больше о той стороне. Уйдешь, а потом, поди-знай, когда вновь доведется встретиться. Будешь всю ночь проклинать свою нерасторонность и поспешность.

— Слушай-ко, дедушко! — неожиданно перестал жевать Семен. — А кто это слух принес, что я убит. Ты не помнишь?

— Так, ить, матери твоей у кого-то сказано было. А мы от нее.

— Скажи ведь! — удивился Семен и головой покачал. — Вот и верь слухам. А партизаны-то неужто не передавали? Ведь знали же и Лопехин и Шкапин, что в госпитале маюсь.

Семен задумчиво проглотил еще один кусочек мяса и усмехнулся:

— А я, брат, и верно почти готовый был. Воц как цараннула, да в плечо срикошетила. Очнулся: один... Натура спасла, три дня карабкался к своим. Ползком до канала добрался, думал все. А там как раз фронт встал. В общем, случайно живым оказался... А с тех пор, дедко, я ни в смерть, ни в судьбу, ни в бога, ни в черта... Еще по глотку, а! Не хочешь? Ну, а я, брат, с устатка, чтоб душа отдохнула.

Семен аккуратно налил себе, выпил, закусил и потянулся за табаком.

— Лошадь можешь достать?

— Есть лошадь, на выгоне бродит.

— Вот что, дедушко! — тяжелая ладонь Семена легла Лукичу на плечо. — Надо кой-какой груз из лесу привезти. Продуктишки, еще кой-чего. Вот вы с Катей и займетесь этим. Лиза укажет, где... И везите их прямо к тебе в дом. Мне придется у тебя жить. Отгороди уголок в хлеву, оборудуй его посуше... Лиза сегодня уйдет... Приходить будет изредка... Ну, как, поможешь?

— Помочь можно, отчего не помочь.

— Ну и хорошо... Обо мне никому ни-ни. Даже тетке Дарье пока ни слова, я сам с ней поговорю. Кому нужен, тот знает, как искать...

— Вы что же, стало быть, только вдвоем или еще кто прибудет? — несмело спросил Лукич.

— Вот что, дедушко! — нахмурился Семен. — Давай договоримся, что это будет твой последний вопрос... Молчи, отвечай, когда тебя спросят, и делай, что скажут! Понятно?

...И вот, почти неделю, по несколько раз в ночь Лукич выходит в сени и с тревогой прислушивается, украдкой поглядывая в сторону хлева. И если все вокруг тихо, он осторожно отпирает дверцу, входит в хлев, предупреждая откашливается и подолгу без дела бродит там. И в такие минуты нет в Туланде человека счастливее старосты.

2

Когда в Беломорске, в «партизанской гостинице», Шкапин спорил с Лонахиным о том, кому из них следует остаться в Заозерье на лето, он не мог не чувствовать угрызений совести. Ведь спор был почти бесцельным! Федор Николаевич уже твердо знал о своем назначении секретарем подпольного райкома, с ним уже не один раз беседовали в ЦК, он уже получил задание.

Особенно тяжело вспоминать об этом теперь, когда полсотни непреодолимых километров разделяют его и Василия Петровича, когда нет-нет и мелькнет мысль о том, что встретиться, возможно, и не удастся. Пройдет неделя-

другая, и отряд будет далеко на севере. А там — бой, походы...

Не легче и здесь. Там, в Беломорске, предстоящая работа казалась конкретной и определенной. Установить связь с населением, оживить деятельность подпольных групп в деревнях, разоблачать вражескую пропаганду, собирать сведения о финской обороне в районе Медвежьегорска, создать, где возможно, подпольные комсомольские группы. Для выполнения этого задания, казалось, были все возможности. Вот уже полтора года в Лапасельге находится Дорофеев. Устроился он, по-видимому, прочно. Удивительно лишь одно, почему до сих пор он поддерживает связь с двумя людьми из деревень — хозяином дома, стариком Самойловым, и его племянником, мобилизованным на оборонные работы.

У Шкапина имелось несколько явок. Правда, многие из них не проверялись с осени сорок первого года. Особые надежды Федор Николаевич возлагал на Туланду, Пастушью Губу и Тимицы. В этих деревнях он сам устанавливал явки и изредка поддерживал связь с доверенными людьми... В середине мая, после получения шифровки от Дорофеева о прибытии Шкапина, в Заозерье в условленном месте должны выбросить ручную типографию, бумагу, продукты. Позже придут радистка и секретарь райкома комсомола — он же наборщик будущей подпольной газеты «Заозерская правда». И тогда работа развернется...

Таким все казалось там, в Беломорске, когда с радостью и опасением, с мучительным чувством неловкости перед Лопахиным Федор Николаевич клялся оправдать доверие партии.

Но с первых же шагов все начало складываться по-иному — значительно сложнее и запутаннее.

Неожиданная встреча в Оленьем Логе в первую минуту обрадовала Шкапина. Еще бы! Перед ним со слезами на глазах стоял долговязый подросток, сын Марии Дмитриевны Гореловой. У его ног валялся небольшой, грязный мешочек с мукой, на шее висел автомат. Паренек смотрел на Шкапина, как на внезапно свалившееся с неба чудо. Крепко обняв Ваню, Федор Николаевич почувствовал, как под изодранным ватником вздрагивает его исхудавшее тело.

ЦЕНА

180

руб.

00

коп.

Цена 6 руб. 45 коп.